

вас люблю

ГЛАВНЫЕ действующие лица этого романа сегодня известны всем.

Герман — высокий, толстый, вечно всклокоченный. Дома — мыслитель и вальяжный сибарит, на съемочной площадке — то опасный безумец, то тончайший артист. Трогательный, ранимый, чуткий. Саркастичный, грубый, злопамятный. Гениальный режиссер.

Кармалиту трудно запомнить, но нельзя забыть. За смышлыми чертами — нечто от истовых героинь Достоевского. Счастливое легкомыслие уживается в ней с ежесекундной готовностью идти напролом. Талантливый сценарист, дома она варит обеды и охраняет «Лешин покой». На площадке сдерживает метания режиссера, мощно корректирует закадровую жизнь и порой получает тумаки за всю группу.

Тридцать один год назад они соединились — на радость и горе, унижения и славу, мучения и труд. Трижды расстались, но остались вместе.

Куда-то увозят жизнь

«ИЗ КАКОГО СОРА» выросло кино Германа и Кармалиты, ставшее классикой при жизни своих создателей? В огромной степени — из страхов и радостей, пережитых предшествующим поколением. Поколением родителей. Это они наполнили долгим эхом память и воображение. Вопреки всему наделили детей мужеством не бежать от драмы жизни, а двигаться к самой ее сердцевине.

...Отец Светланы Игорь Кармалиту (фамилия гуцульская), говорят, долгие годы вспоминали в Киеве с благодарностью. Студентом его мобилизовали в НКВД, а он («как человек легкомысленный, Светка была в него») предупредил людей об арестах и обысках. В 45-м он погиб на фронте. Маленькая Светлана с матерью остались в оккупации в Киеве. Однажды помогали соседям донести пожитки и оказались в Бабьем Яре. Немец-охранник увидел русские лица и вышвырнул их оттуда. После войны Светланина мать вышла замуж за писателя Александра Боршавского, и Светлана до сих пор считает его лучшим отцом в мире.

Что касается Германа, родители будто всегда с ним рядом — в его рассказах, анекдотах — и в сознании. Надежная стена отпосконого присутствия до сих пор определяет многое в поведении Германа-человека и поэта-Германа-режиссера. Со дня смерти отца Алексей Герман, думают люди, которые хорошо его знают, не сильно изменился: в нем по-прежнему живет мальчишка, подлости бесстрашный и по-взрослому нуждающийся в защите. Дети своего века, Герман и Кармалита, круто замешаны на прошлом, это и помогает понимать настоящее, будущее и вечное.

Блистательный рассказчик, из потока дней он без усилий намыкает золотые крупицы художественных моментов. И о своем романе с эпохой и Светланой лучше всего рассказывает сам.

— Мама папе сказала про Сталина: будет грызть собственные кости. В это время они изготавляли меня, очевидно, разговор был в паузе. Сказала и дико испугалась, что донесет. А у них была большая любовь.

Наступила тридцать седьмой год, посади или старинная, мама жила в Одессе, уже беременная. И стоял вопрос, выходить ли замуж за папу или оставаться с прежним мужем. Чтобы меня склупить, она все время поднимала ванну. Папа папа не позвони и не сказал: давай его оставим, а то у нас семьи не будет. И меня оставили, уже чуть живого, я практически опущенный. Потому у меня до сих пор бела идут вкривь и вкось, что меня еще в самом начале пытались выкинуть...

Помню маму в клубках папиросного дыма: она все время сидела и курила, потому что готовилась к самому худшему. А папа всегда доверялся только к маме лучше. На ее упрёки отвечал: укажику — доведи за щек! И — фюиш! — куда-нибудь в Ташкент. Все время где-то мотался, зарабатывал, крутил бешеные романы. Стеснялся, что у него много денег, поэтому их раздавал...

Он был очень хороший человек, в нем было много детского. Людей он любил непостижимо глупых. Обожаю генералов, секретарей обкомов, полковников милиции, которые совершают поступки, «берут на себя». «Добро должно быть с кулаками» (лично я добра с кулаками никогда не видел, всегда по-отдельности). Но с отцом у ме-

на была жутко плотная связь. Когда он заболел, при виде его врача у меня началась медвежья болезнь. Мы страшно за него боялись, а надо было делать вид, что все хорошо. В онкологической клинике я был свой человек: сидел там сутками, печатал свои сценарии.

А мама была интеллигентка, врач-бактериолог из богатой в прошлом семьи. В Финляндии у них была усадьба, в Петербурге — дома. Она дружила с Тиняновыми, за ней ухаживал Маяковский... Она мне много рассказывала про тогдашнюю петроградскую знать. Я маму очень любил.

Она жутко боялась, что я останусь один перед этой страшной жизнью. Но когда пришел «майор бронетанковых войск» Светка и сказал: левый фланг мы поставим справа, а правый — слева, мама, естественно, опешила. Они не то что ругались, но — молчали друг на друга. Как у Шарца: вы слышите, как народ безмолвствует? Когда я Симонову (мы называли его КазМ) пожелалось, что от них повешусь, он мне сказал: «Леша, я был женат пять раз, а мама ни разу не могла мне этого простить».

Четыре года назад мы летели из Швейцарии. Мне приснился дурной сон, что мама умерла. Светка пошла в аэропорт звонить в Ленинград и услышала: Татьяна Александровна десять минут назад умерла. Она ничего мне не сказала, но ее вдруг стало дико ревет. Только когда мы прилетели домой и я увидел, сколько народу меня встречает, я понял, что мамы нет.

...На Марсово поле, в огромную четырехкомнатную квартиру, мы с родителями переехали, когда мне было десять лет. Примерно через пятьдесят лет я уезжал оттуда навсегда... Сначала вынесли все из одной комнаты, потом из другой, третьей. Оставили один стул. Потом сказали — стул освободить. Я спустился во двор, мне поставили табурет. Я сидел во дворе среди помойных баков, толстый старый человек, и смотрел, как все эти пятьдесят лет грузят в какие-то грузовики, как всю эту жизнь увозят куда-то. Тоска была смертная...

На хрена тебе этот Пискарь?

ВСЁ началось в 68-м году.

— У меня была жена Верочка. Манекенщица. Милая, добрая, дико наивная, я женился на ней лет в девятнадцать. Помню, как я однажды улетел на юг — отец уже умер — меня проводила Верочка. Я ослепнул и сказал себе: больше не хочу! При папе это еще было можно: был дом, был умный человек, было с кем говорить. Без него все рассыпалось. Абсолютное одиночество.

На юге я познакомился со Светкой.

Помню, как я ее увидел в Коктебеле, и иногда думаю: надо было мне быстро повернуться, выйти на шоссе, поймать машину, доехать до аэропорта и сесть в самолет. И ничего бы этого не было! Была бы совершенно другая жизнь. Но я вернулся в Ленинград, все сказал Верочке и уехал к Светке в Москву. Она занималась каким-то режиссером Пискарьем, училась в Институте истории искусств, они сидели в ВТО, курили сигареты и рассуждали о доореволюционном театре. А я тогда только начал «Проверку на дорогах». Мы поехали в экзекшнцию, в Калинин, надо было снимать зиму. Только приехали — все растаяло, и начался сумасшедший дождь.

Вся группа пьет, у всех бабы, к кому ни поступи, высказывает потный: «Пожалуйста, через 15 минут, Алексей Юрьич». Я хожу один по гостинице, что делать, не знаю. Позвонил Светке и говорю: «Слушай, кому на хрен нужен этот твой Пискарь? Давай бросай все и приезжай сюда! Поставим на одну поездку, может, она нас куда и вывезет».

Светка очень любит рассказывать, как я после этого ее не встретил... Выезд на съемку был в семь утра, откуда же я знал, что она со своими чеподанми тоже в семь придет? И мы начали вместе работать. Чем дальше, тем ближе. Я всегда знал, что меня из профессии режиссера будут выгонять, пробить, не дадут снимать. Писать под Светкиной фамилией воем мы начали еще до больших неприятностей. Когда мы пишем, спорим до смертоубийства. Я Светку чувствую по спине, по тому, как она сидит, скрючивается, некоторое время терпим-терпим, потом говорю ей: «Да, Леша, это не получилось!» И пошу, как камни покатились.

У нас был сценарий, который она выхватила из горящей пачки.

Герман и Кармалита

Кинороман мастера и его подруги

«Похожения Дика Шелтона, баронета, никогда не ставшего ричардом». Она надо мной так измывалась, что я взял и бросил рукописи в печь. Светка как начала ее отпущивать выбрасывать, склеивать! В Сосновом мы тогда жили. Счастливая была жизнь.

Верблюд плюется в сторону

РЕЖИССЕР, снявший самые тяжелые фильмы в истории российского кино, Герман обладает громадным юмором: иногда герман, иногда деловым. Сосуществование с женщиной, которая не понимает шуток, он бы не смог... Кармалита понимает всё. С виду смиренная, она тонкий мастер интриги (плетущейся, «чтобы Лёшечке было хорошо») и владеет широким диапазоном ролей — от Макавиевelli до ассенизатора.

— На «Двадцати днях без войны» меня ненавидели потому ненавистью, потому что я всех заставлял жить в поезде. В нем мы ездили и снимали.

И вот на одном полустанке репетиция. Вся группа осталась на платформе, а я спустился вниз, со мной верблюд и две женщины, репетируем кадр. Я чувствую, что верблюд меня не любит, вот-вот плюнет, и стараясь держаться в стороне. Я же не знал, что он обок плюется! Я только помню: вдруг у него открывается пасть, и он меня окатывает чем-то зеленоватым-клейким, вонючим, передать нельзя — деревенский сортир в шле по сравнению с этим озоновая дыра — с головы до ног, литра четыре! И

ликование на площадке такое — ни один Чарли Чаплин в воинской части этого бы не добился! Люди обнимались и плакали! Ощущение было парад Победы.

Светка бежала впереди и кричала: всем уйти с дороги, всем уйти с дороги! Закрыть двери в купе! А за ней шел вонючий, клейкий кусок зеленого дерьма. Это был я. Потом с меня что-то сдирали, везли хлорировать, а зимой остался в майке... Но помню счастливую Феодосию, счастливую Гурченко...

В другой раз вся группа отказалась со мной работать и вышла из автобуса. Мы ехали со съемкой, возбуждение еще не улеглось, и я то одному прискребеус, то к другому — почему это было не так, то было не так? Наконец оператор закричал: я устал! Я 12 часов работал, а ты мне перебиваешь мозги! Пошел к черту, остановил автобус, я пешком пошел! Всюду художник и говорит: ты меня достал! И вышел. И вся группа встала и вышла. Я остался в автобусе один. Светки не было — она уехала в Москву. И я сказал водителю: троешь! Повернулся как-нибудь. И уехал.

А они остались. В сорока километрах от жилья в экзотических костюмах после съемки. На их счастье, сзади ехала наша пожарная машина, они вернулись на ней, аналку, зацепившись зубами за бампер.

Утром приехала Светка, побежала по номерам всех мирить: «Вы котика тоже обидели...», и все складилось. На съемках я вообще старался, чтобы она работала со мной, от этого толк и мне, и картине, но она больше всего любит руководить движениями на-

родных масс или принять участие в том, от кого монтажерница бережно (хоть ее, Светкин, муж с этим никак не связан)...

Герман целиком отстранен женой от житейского. Проникающий суть бытия, он ничего не знает о быте. Кармалита вывела его за скобки всех забот. Отучила включать газ, чинить пробки, объясняться с малярами, сантехниками и таксистами. В реальной жизни он беспомощен настолько же, насколько мощен в искусстве.

— Она это нарочно делает, — злобно сказал он мне однажды в Репино, куда я приехала брать у него очередное интервью. — Мы поссорились, она уехала в Москву, а теперь даже кофе не выпьет: черт его знает, как включать кофеварку! Надо самому учиться все делать, а как только я выучусь, она вернется!

Герман отлично знает, сколько тысяч долларов нужно, чтобы снять картину, но в рублях сообщает плохо.

— Однажды Светлана выбросила свои старые вещи: кебы, джинсы, шапочку, повесила их во дворе. Я гуляю с собакой и вижу: на улице идет Светлана. Приглаживаясь: этот не Светка, это божок, который надел все эти вещи на себя. Но мало того — это мой соученик по институту. Мы с ним говорим про искусство, про то, что творится в мире, и, естественно, он просит у меня денег. Знаю, на всякий случай в магазине, даю ему какие-то бумажки, он на меня смотрит как-то нехорошо — и уходит быстро. Я решил, что ему мало дал и намерен обидеть, но за ним бежать тоже как-то глупо...

Возвращаясь, а Светка про меня уже все знает: «Тебя долго не было, и я зашла в магазин. Мне сказали, ты пришел с божком, дал ему чудовищную сумму, и он сразу ушел...»

Хорошо, что я за ним не побежал...

Все наши экспедиции мы вспоминаем как Хемингуэй — «Праздник, который всегда с тобой». На «Двадцати днях» у нас был вагон-ресторан с хозяином — одесским евреем и помощниками-таджиками. Воярь. Еду нам они добывали так: снимали с платформы соседнюю «хайку» и грабили соседние колхозы. И вот мы со Светкой приходим к ним обедать, а там висит огромный портрет Сталина. Я говорю:

— Снимите, пожалуйста! Они мне: ох, ох, ох — отпечналь! В конце концов все-таки поменяли Сталина на Гурченко (ресторанщик был в нее влюблен). Пришел устал Николай, сел и, поедая яичницу, сказал: при Сталине кормили лучше!

Розные люди

ПОМНЮ, как я увидела их первый раз на «Ленфильме» много лет назад. Он — громогласный и задиристый, она — тихий воробушек.

— Думаешь, кто у них главный? — спросил меня бывалый приятель-киношник.

Я посмотрела на него как на идиота: «Герман, конечно!»

— А вот и нет! Запомни: Германа летит Кармалита.

Прошло почти двадцать лет. И я спрашиваю Германа об ис-

торической роли Кармалиты. — Я давным-давно бросил эту профессию, не пережил всех этих диких унижений, не имел бы из-за этого инфаркта и гипертензии, давным-давно уехал бы в Америку и ничего бы этого не снял, если б не она.

Герман и Кармалита — люди не просто разные, но как говорили классики, разные. Их сложная жизнь («наша каша», говорит Герман) на этой розности и завarena.

— ...Я ей говорю: как можно так радоваться всему, когда все равно знаешь, что умрешь?

А она: пока же ты не умираешь?

— Нет.

— Ну, так и радуйся, что не умираешь!

— Я не могу радоваться, что не умираю, когда я знаю, что умру все равно. И никто меня не выручит.

А она: но ты же еще жив, котик!

Кармалита никогда не дает интервью. Света, уговаривая ее, ты пойми: дело же не только в этом конкретном фильме...

— Нет, — она обрывает резко, — дело только в этом. Тридцать лет дело в этом! И еще дело в том, что Лёшу никто не знает. И я его не знаю. Его невозможно знать...

Что ж, ей виднее. Кармалита имеет дело и с темными закоулками души мастера, и с тяжелой копотью повседневности. Константин Симонов недаром подпал ей первой афишу «Двадцати дней без войны»: «Самому храброму в нашей далекой не робкой компании...»

— На каждом фильме наступал момент, когда я говорил: Светлана, я отказываюсь!

— А она?

— Подожди до завтра, котик, давай дождем до завтра. А завтра — до послезавтра, а послезавтра — до послепослезавтра... А потом картина снята.

Если Герман задет или обижен, он становится агрессивным, как бешеный бык. Те, кто бывал на съемках, знают: наступал момент, когда в атмосфере сгущается электричество. Воздух начинает вибрировать, группа незримо вбирает голову в плечи. И никогда нельзя угадать, чем кончится — шуткой или чудовищным скандалом.

— Понимаешь, — сказал мне один их многолетний соратник, — это происходит даже не от личной трусости. Больше от страха, что он уйдет и нелепо не появится на площадке. Без него все останавливается.

Наиболее чуткие (и первая — Кармалита) знают: если Герман бушует, топчет свою шапку, если на площадке стоит ор и висит мат, это, скорей всего, потому, что он что-то делает неправильно, а что — еще сам не понимает. Обвинив всех подряд, он уйдет и будет три-четыре дня думать, как все переделать. А когда вернется, будет спокоен и уверен.

— Алексей Юрьевич, а Света тоже вас боится?

— Нет, Света меня не боится.

Она, что называется, мой хозяйка, до момента, когда я сатанею. Когда я сатанею, она отпечналяется в угол. Но я и сам не люблю с ней ссориться. Тут же стараюсь помиритесь.

— Почему?

— Одиночество, старуха. Знаешь, как сказал один мудрец: одиночество — хорошая вещь, но совершенно необходимо, чтобы рядом был человек, которому можно сказать, что одиночество — хорошая вещь...

— А Лёша (сын учится во ВГИКе. — М.Т.) показывает вам свои работы?

— Нет, Светлане — да.

— Почему?

— Ну, как бы тебе сказать... Вот ты как к Кантемиру относишься?

— ???

— Вот и он так ко мне приблизительно. Позавчера звонит: мы сидим с ребятами, сочиняем рекламную шапку (чтобы заработать одному из них). Я лежу, как чужак, придумываю, что наши снежного человека, он весь славянский, страшный, помыл в шампуне, и во что он превратился... Светка им переизвещает срочно: папа придумал... Да мы уже всё сделали, нам не надо! И даже не спросили, что там папа придумал.

Ерник с душой поэта, Герман возбудим и мнителен. В нем, знаменитом, живет невероятный трепет. Он никогда не смотрит отснятый материал. Когда его призывают из провинции, он в просмотрный зал не входит. Сидит дома или в студийном кафе, страшно волнуется и ждет. И лишь когда появляются Кармалита, оператор, ассистенты и го-

ворят: «Хорошо!» — он идет смотреть. Бойтся самоповторов, бальности, бойтся не дотануть до самого себя. Вокруг него — жесткие профессионалы, у которых за плечами ВГИК. Герман — театральный режиссер, ученик Товстоногова и высокий дилетант (таким себя считал и Феллини). Производством ему до лампочки, ему важно одно — хорошо снять.

Герман не терпит скуки, ему надо, чтобы все «горело». Но как-то во время съемок «Хрусталёва» смотрели дубли в просмотровом зале, не выходя, много часов под-рял. Жизнерадостная ассистентка режиссера впаривала с чаем и весело упаривала. Наконец Герман мрачно молвил:

— Представляете, я б развелся со Светкой, женился б на такой, проспаюсь, а она щебечет, щебечет, щебечет — так бы и убил!

...Когда снимает, способен говорить только о работе. Двадцать четыре часа в сутки — о героях, их обстоятельствах, о деталях, о смысле и задачах. В течение восьми часов рабочей смены у него множество собеседников, в остальное время — одна Светлана.

Однажды она уехала. Герман в доме остался один и попросил приятеля пожить с ним. Через 15-16 часов непрерывных разговоров о снимающейся картине приятель робко предложил разойтись по комнатам, почитать. И через минуту из соседней комнаты услышал телефонный разговор с Москвой:

— Светка, он меня ненавидит, он не хочет со мной разговаривать!

Что сказал табачник с Табачной улицы

...ВО ВТОРОМ дворе «Ленфильма» горел костер, стелился бутарфорский туман, стояли люди в сером с нечеловеческими лицами («черты стерлись о коммунизм», — сказал о таких Платонов). У костра сидел известный всей стране поумен, — слепанный почти неузнаваемым: в бореле, тяжелых сапогах со шпорами, меховом плаще, с запятой кровью на руках и скулах... Шли пробы артиста на главную роль.

...В маленькой ленфильмовской комнатке, на диване которой написано «Трудно быть богом», одна стена заклеена десятками картин: средневековая живопись, рисунки, гравюры, костюмы, детали. Другая, напротив, десятками фотографий портретных кинопроб. Все лица — невероятно выразительные, со шрамами, странной асимметрией черт. Так возникает жесткое облучение новой реальности...

— Это наш мир, наш — вишневый, несчастный, ничтожный, лагерный...

Из романа Стругацких в режиссерском сценарии до капли отжата романтика, ее место занимает безнадёжное знание цены происходящего.

— Я не собираюсь снимать политическую картину. Но как-то дико начинает все совпадать — этот жалкий котер, этот приход черных, этот город, где все горит, из-за этого захватывающая власть, какие-то либералы, которых ведут на веревках. И герой, у которого нет иного выхода, как убивать.

Герман не повторит вслед за Мандельштамом: «чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязы, ни кровавых костей в колесе...» Он — видит. Фильм еще не снят, а окружающая жизнь уже начинает роковым образом тяготеть к создаваемому миру.

— Раб Руматы все время говорит: «У меня есть друг, табачник с Табачной улицы, умнейший человек, он сказал...» А тот ему все время отвечает: замолчи, пошел прочь! И в финале, когда больной Румата остается на этой планете умирать, раб в последний раз говорит: а у меня есть табачник с Табачной улицы, умнейший человек, он считает... А тот ему — заткнулся! Так кончается картина. И я хочу назвать ее «Что сказал табачник с Табачной улицы»... Может, табачник и понял что-то, чего не понимаем все мы...

...Быть или не быть богом — у Германа этого выбора уже нет: «Я старый человек, мне нужно или хорошее кино, или никакого!» Он подписывает вежливое письмо, отклоняющее честь быть представленным на премию «Оскар» в числе лучших зарубежных фильмов. После Канн он больше не хочет участвовать в фестивалях, не хочет претендовать ни на какие награды. Но для него была и остается самым главным челулонная пленка, по которой будет ясно, для чего прошла жизнь.

Марина ТОКАРЕВА

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформсвязи
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласию с редакцией.
Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Равнин, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80, Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛЮХИНА
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
С этим логотипом и в рамках публикуются
пресс-релизы, информационные
коммуникационные материалы.
Реклама не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 288168 экз. (региональный — 212000 экз.)
Цена свободная
Разное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 10.11.99 г.
Заказ 2629.

Наш подписной индекс: 32138

